

Кристиан Готтхильф Зальцман

НЕБЕСА,
ЧТО НА ЗЕМЛЕ

Издательство «Райхль»

Кристиан Зальцманн
Небеса, что на Земле

«Отто Райхль»

1797

Зальцманн К. Г.

Небеса, что на Земле / К. Г. Зальцманн — «Отто Райхль», 1797

Многие современные люди не уверены в существовании загробного мира, но еще недавно, полтора-два века назад, это ни для кого не составляло предмета для сомнений. Любой человек был уверен в том, что в послесмертии есть Небеса, где ему уготована райская, полная наслаждений жизнь. Не сомневается в этом и автор данной книги, но он также считает, что не следует ожидать блаженства лишь за гробом, если мы можем создать для себя рай и на Земле. Для этого нужно лишь смотреть на мир определенным образом и действовать соответственно. Каждый, проверивший изложенные здесь доводы на практике, непременно придет к выводу, что эта книга, написанная больше двух веков назад, может принести немалую пользу и сегодня.

© Зальцманн К. Г., 1797

© Отто Райхль, 1797

Содержание

Предисловие к новому изданию	5
Вступительное слово	6
Предисловие,	8
Книга первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кристиан Готтхильф Зальцманн

Небеса, что на Земле

Предисловие к новому изданию

Кристиан Готтхильф Зальцманн родился 1 июня 1744 года в городе Земмерда близ Эрфурта. Его мать была дочерью местного аптекаря, а отец – священником в этом городе. Окончив курс теологии в Йене и Эрфурте, К. Г. Зальцманн несколько лет был священником, а в 1780 г. получил приглашение в известное в то время филантропическое учреждение в Дессау, куда и поступил на должность учителя. Четырьмя годами позже, в 1784 г., Зальцманн, руководствуясь собственными воззрениями и накопленным в Дессау опытом, основал в Тюрингии, в Шнепфентале недалеко от Готы, собственный учебно-воспитательный институт, переживший все бури минувших лет и ставший в наше время гимназией, специализирующейся на обучении иностранным языкам.

Помимо своих педагогических трудов, среди которых подлинно новаторским и ставшим уже классическим произведением по детской педагогике можно считать «Книжку для раков. Книжку для муравьев», имеющую эпиграф: «Воспитание детей начинается с воспитания родителей», им написано множество книг для юношества и широких читательских кругов. Они, по замыслу автора, должны были способствовать тому, чтобы «Земля с каждым днем становилась все краше». Из них самым значительным произведением можно считать «Небеса, что на Земле».

Главная идея этой книги – не следует ожидать блаженства лишь в потустороннем мире, в наших руках превратить окружающий мир в рай и уже сейчас стать сопричастником Небес, что на Земле. Для этого нужно лишь добросовестно исполнять свои обязанности, ценить все доброе, что посылается нам, и развивать в себе живую веру в то, что даже самая жестокая судьба – веление божественной любви, посредством чего Бог формирует человеческий дух и учит его познавать блаженство в повседневной жизни. Текст настоящего издания соответствует второму изданию 1798 г., выпущенному в свет «Книжным магазином учебно-воспитательного заведения».

«Небеса, что на Земле» неоднократно издавались и при жизни Зальцманна, известны также незаконные перепечатки этой книги. В 1839 г. в Филадельфии даже появилось «первое американское» издание (на немецком языке!).

Вскоре после первого издания в 1797 г. книга стала переводиться на другие языки: на датский (1798, второе издание в 1801), нидерландский (1798, повторные издания в 1827 и 1847) русский (1803–1804) и чешский (1880).

Каждый, проверивший изложенные здесь доводы на практике, непременно придет к выводу: «Небеса, что на Земле» – книга неординарная...

Тому, кто не останется к ней равнодушным, мы рекомендуем также прочитать книгу Зальцмана «Эрнст Габерфельд».

Сен-Гоар, 29 февраля 2008 г.
Издательство Райхль
Матиас Дрегер

Вступительное слово

Путь к Небесам, что по ту сторону гроба, усеян множеством указателей, я же хочу дать наставления, как отыскать Небеса на Земле. Надеюсь, моя затея придется всем по душе. Стоит ли отмахиваться от обещающего указать в глухом и диком лесу место, где находится красивый и ухоженный парк, где в лишенных растительности горах скрыто золото, кто научит, как источающее ядовитые испарения болото превратить в рай? Почему бы не прислушаться и ко мне, возжелавшему открыть вам Небеса на этой презренной Земле, полной рыданий, жалоб, стонов и зубовного скрежета?

Уверен, моя книга не останется незамеченной и ее прочитают многие. Весь вопрос в том, истинно ли в ней написанное и не уподоблюсь ли я алхимикам, утверждающим, будто они овладели искусством превращения свинца в золото, и вместо обещанных золотых гор отнимающим у поверивших им то немногое, что у них есть?

Впрочем, опасаться нечего, вы ничем не рискуете, обрести же можете многое. Не спешите с выводами, последуйте прежде моим наставлениям, как обрести Небеса уже на Земле!

Я убежден, что прочитавшие эту книгу со вниманием задумаются над принципами, изложенными в ней, осмыслят их и, посчитав заслуживающими доверия, примутся поступать по ним, чтобы стать еще благороднее, радостнее трудиться, не терять мужества перед лицом грозящей опасности и спокойно переносить любые тяготы – одним словом, чтобы обрести Небеса уже на Земле.

Многие меня станут упрекать, будто я забыл о бессмертии и лишил надежды на Небеса по ту сторону гроба, заставив подозревать себя в неверии во все это.

Ответ будет таков. По моему глубокому убеждению, самое доказательное в моем понимании подтверждение веры в бессмертие – верность долгу, общение с Богом и размышления о Его делах. Открывающему в результате Небеса уже на Земле не нужны доказательства тех Небес, что ожидают его в будущем. Он чувствует, он знает, что судьба под названием «смерть» всего лишь рождение в новую жизнь. Не исполняющий своего долга, не общающийся с Богом как с Отцом и не размышляющий о Его делах приведет множество доводов, доказывающих существование Небес, напишет о них множество страниц, будет кичиться и хвастаться своей верой в них, но той веры, что подвигнет его на добро, сделает мужественным в опасности и радостным в печали, у него явно нет.

Если я прав, то настоящая книга – убедительное доказательство бессмертия, поскольку упоминает о нем не так уж часто.

Впрочем, я умышленно мало говорил о бессмертии и на него почти не ссылался. Вера в бессмертие, по моему глубокому убеждению, является для большинства самой веской причиной, почему они до сих пор не нашли Небес на Земле.

Здесь я их только ищу, там же – обрету!

Вот что отпугнуло многих от поисков! Зачем мне искать, если мне точно известно, что все равно не найду? Тем самым мы пренебрегаем возможностью облагородить себя уже на Земле, отложив это дело на потом, когда, как нам кажется, достигнем совершенной праведности и святости. Люди отказались от земных радостей в этой жизни, предполагая, будто испытать их можно, лишь избавившись от бренного тела. Мы возмечтали себе Небес недостижимых, где без малейшего труда стали бы святыми и праведными, пребывали в вечном блаженстве и исполняли любые свои желания. Так думает только глупец, ленившийся изменить свое положение и пребывающий в надежде на богатое наследство, которое ему без всяких хлопот даст все и даже больше того, что достижимо лишь ценой невероятных усилий.

Ищите и обращайтесь! Твердо веруйте, что Небеса есть и на Земле, старайтесь оказаться на них, и ваши поиски окажутся ненапряжными. А если сразу того великого блаженства, что

ожидает вас после выхода из тела, вы не достигнете, то помните: те и другие Небеса имеют ступени, восхождение по которым требует времени и усилий.

Многие сочтут предосудительным, что изложенные наставления не подкреплены выдержками из Библии.

Библия – книга мною глубоко почитаемая, и я нисколько не сомневаюсь в истинности того, о чем говорится в Новом Завете. Однако, поскольку присущая ей божественная сила убеждения в наши дни многими отрицается и есть немало людей, которые содержащиеся в ней изречения исходящими от Бога не считают, то я, дабы не вызывать чьего-либо неудовольствия, предпочел подобными доказательствами не пользоваться. Потусторонние Небеса уготованы всем, кто боится Бога и поступает праведно. То же можно сказать и о Небесах посюсторонних.

А если иные читатели со мной не согласны и считают Небеса на Земле неосуществимой мечтой или полагают, что сами знают, как их обрести, то переубеждать таких людей я не стану. У каждого идущего по жизни есть свой собственный посох, на который он опирается. Я не склонен отбирать его у кого-либо, поскольку не знаю, смогу ли дать взамен другой, который ему пригодится. Но будьте справедливы и ко мне, позвольте спокойно шагать со своим посохом, который до сих пор меня никогда не подводил.

В заключение прошу не судить меня строго, если отдельные места написаны неясно, нет строгого порядка в изложении, стиль требует редактирования и встречаются повторы. Причина – в тех условиях, в которых писалась эта книга. Под моим надзором находятся примерно 60–80 человек, и кому-нибудь из них в любой момент нужно было что-либо принести или меня о чем-то спросить, отчего приходилось всегда держать двери моей комнаты открытыми. Бывало, что меня отрывали от работы по десять раз. Редко выдавался день, чтобы ни один незванный визитер не переступал порога комнаты. Работать же по ночам, сокращая свое пребывание на Небесах, что на Земле, я считал неправильным.

«Тогда тебе и не стоило писать эту книгу», – возразят мне.

Мне и впрямь не стоило бы это делать, желай я ею прославиться. Но такой цели у меня не было. Мне просто хотелось принести пользу, а это можно сделать и с помощью непритязательной книги в скромном оформлении. Если у врача есть необходимые знания и таланты, к нему будут прислушиваться, даже если его манеры и костюм оставляют желать лучшего.

Коли уж я заговорил о врачах, то позволю себе порекомендовать надеющимся обрести Небеса уже на Земле книгу Хуфеланда «Искусство продлевать человеческую жизнь».

Шнепфенталь, сентябрь 1798 г.

К. Г. Зальцманн

Предисловие, в котором в общих чертах показано, что Небеса можно обрести и на Земле

Все предвкушают Небеса или блаженство, которое ожидает нас в конце наших странствий по Земле, когда мы освободимся от нашего тела, и от этой мысли нам становится приятно на душе. Перспектива отрадного будущего таит в себе громадную силу, укрепляющую иных в повседневных трудах и ободряющую в часы печали и уныния.

На других же – и их большинство – такая перспектива оказывает противоположное влияние. Пребывая в надежде, будто в некоем другом мире все окажется лучше, они почти или вовсе не стремятся улучшить нынешнее состояние, проходят мимо всевозможных благ, которыми могли бы наслаждаться уже сегодня, обращая внимание на одно лишь неприятное в окружающем их мире, отчего Земля, *которую сотворил Бог* и о которой в первой книге Моисея справедливо сказано: «И увидел Бог, что это хорошо», та самая Земля представляется им юдолюю печали и слез. Они подобны путешественникам, только и думающим о предстоящем ночлеге, как им будет там хорошо, оставаясь безразличными ко всему достойному внимания и увлекательному, встречающемуся на их пути, к своим попутчикам, от которых могли бы узнать много полезного и интересного, к незаурядным личностям, с которыми их сводит случай, и не верящими, что впереди их ждет много прекрасного и удивительного. Любая неприятность, произошедшая с ними, выводит их из себя, и, добравшись наконец до ночлега, они чувствуют одну лишь усталость и досаду. Другие же, подмечающие все вокруг, не упускающие ни малейшей возможности набраться ума и безгрешно повеселиться, а любую приключившуюся с ними беду употребить на то, чтобы укрепиться духом и телом, приближаются к ночлегу довольными своим путешествием и с радостью возвращаются в мыслях к тому, чему они научились в пути, что довелось им испытать и чем насладиться.

Как обманется путешественник, видящий в своих странствиях только одну цель – приятно отдохнуть, добравшись до ночлега, когда окажется, что место ночлега не такое уж уютное, как он себе представлял!

Именно это и произойдет со многими людьми, не желающими знать ни о каком ином блаженстве, кроме как о том, которое они надеются обрести в ином мире. Скорее всего, их ожидания не оправдаются.

А чего мы вправе ожидать там, где окажемся в будущем, на так называемых Небесах? Чувственных наслаждений? Здравомыслящий человек об этом и не помышляет. Любое чувственное наслаждение достигается телом, а когда его у нас не будет, о каких же наслаждениях тогда можно говорить? Или, может быть, покоя? Если под ним подразумевать бездеятельность, то получится нелогично. Неужели Бог, наградивший нас столькими способностями и предоставивший столько возможностей для их развития, допустит, чтобы мы ими так и не воспользовались? Конечно же нет, ожидающий наслаждений и праздности по ту сторону гроба заблуждается.

Тот, кто задумывался о себе и своем предназначении, таких надежд не питает. Блаженство, которое его ждет, заключается в расширении собственных познаний и обретении новых сил, большей праведности и святости, в воспоминаниях о добрых делах и поступках, в общении с более совершенными духами, в созерцании дел Божьих и освобождении от тягот земной жизни.

Но все это достижимо и на Земле! Кто нам мешает обрести Небеса уже сейчас? Нужно только захотеть.

Задумаемся над этим, ибо вопрос заслуживает внимания.

Достигнув однажды большей праведности и святости, мы почувствуем себя на верху блаженства. Но сколь велико оно будет, нам неизвестно. Можно лишь с уверенностью предположить: приближаться к совершенству мы будем постепенно, оно плод долгих усилий и непрерывного внимания к себе. Совершенная праведность и святость немислимы без совершенного разума и неиссякаемой силы, позволяющей действовать сообразно его познаниям. Неужели Бог каким-то чудесным образом неожиданно наделит нас такими возвышенными талантами, нас, людей, беспрестанно ошибающихся и отступающих от своих намерений? Никаких оснований так считать у нас нет. Стремлением к познанию и силой воли нас наделил Бог, они – не наша заслуга. Но вправе ли мы ожидать, что в будущем Он сделает нас совершенными без нашего содействия? Как известно, однажды мы оставим наши тела, эти вместилища чувственности, постоянно ограничивающей нас в познании и препятствующей осуществлению задуманного, и тогда с нами произойдут перемены, столь же великие, как и в момент нашего рождения. И как прежде, выйдя из тела матери, мы начали восходить по ступеням совершенства, достигнув наконец той, на которой стоим сейчас, подобное придется нам проделать в будущем, на Небесах.

Единственное, на что можно будет рассчитывать, так это на возможность приближения к совершенной праведности и святости. Но такая возможность у нас есть и сегодня.

А если ты всерьез стремишься к этому и добросовестно делаешь все от тебя зависящее, то успехи не заставят себя ждать. И ты увидишь, как расширяются твои познания, как тебе все легче справляться со своими обязанностями и подавлять в себе чувственные желания. Ты наверняка уже выбрал для себя людей, являющихся в твоём понимании образцом праведности. Таким же можешь стать и ты, нужно только как следует захотеть, и это принесет тебе блаженство.

Принесут тебе блаженство и все возрастающие познания. Но кто мешает нам наслаждаться этим блаженством уже сегодня? Ведь наша жизнь – школа, и школа отличная, учеба в которой не прерывается ни на один день, в ней мы постоянно познаем новое. Учит и одиночество. Наедине с собой у нас возникают новые мысли и происходят озарения. Любая хорошая книга открывает нам нечто такое, чего мы раньше не знали, или, по крайней мере, наводит на поучительные размышления. Учиться можно у любого человека, кем бы он ни был. Гуляя на природе и наблюдая за происходящим на земле и в небе, мы познаем мир.

Вы согласны со мной? Какими примитивными и невежественными существами были вы, читающие сейчас эти строки, в те младенческие годы, когда питались молоком матери, и как много знаете теперь! Но, замечая, как возрастают ваши познания, нужно не останавливаться на достигнутом, а поддерживать в себе желание учиться дальше. Бойтесь бездумного отношения к жизни; читая, задумывайтесь над прочитанным; беседуя с людьми, уделяйте должное внимание их словам; гуляя в поле или в лесу, присматривайтесь к кипящей вокруг вас жизни. Желаящий учиться, будь он пастух или ученый, научится на Земле многому. У кого такого желания нет, на Небесах особых успехов не достигнет. Землянин, не стремящийся познавать мир и с радостью ожидающий, будто в вечности его познания станут возрастать сами, подобен ребенку, не желающему учиться в школе и успокаивающему себя тем, что научится всему этому в университете.

На Небесах наши силы будут возрастать, отчего приумножатся и наши возможности. Какое блаженство ожидает нас! Так мы себе говорим, искренне радуясь в предвкушении будущего, но часто забывая, что наслаждаться этим блаженством и приумножать его можно уже сегодня. Не веришь? Понаблюдай за новорожденным ребенком, когда-то таким был и ты. Какой он беспомощный! Он неспособен переместиться с одного места на другое, выразить свои желания, достать себе пищи, он беспомощнее новорожденного лягушонка, умеющего прыгать и добывать пищу. Пятилетний ребенок уже умеет ходить и занимается своими маленькими делами: что-то строит и ломает, ухаживает за растениями и пр., может попросить пищи, когда

голоден, и воды, когда испытывает жажду. А теперь посмотри на двадцатилетнюю девушку или двадцатилетнего юношу. Совсем другое дело! Они больше не нуждаются в родительской опеке, трудятся, могут делать почти все, чему научились у родителей, и скоро совсем выйдут из-под контроля родителей, станут отцом, матерью, у них появятся дети. Им придется заботиться не только о них, но и о прислуге, быть ее наставниками. Человек низкого или высокого сословия, вознамерившийся в пятнадцать лет жить согласно своему предназначению, достигнет многого благодаря своей рассудительности и умению прислушиваться к добрым советам. Тот, кто пятьдесят лет назад извивался подобно червяку в руках своей матери, теперь живет среди людей, почитающих его своим попечителем и благодетелем. Значит, с годами мы становимся сильнее, и этот рост тем быстрее, чем прочнее входит в наш обычай делать все продуманно и как можно лучше.

«...Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними»¹. Данное изречение не оставляет нас равнодушными. Нам представляется небесным блаженством то, как мы будем вспоминать о всех наших добрых делах, совершенных когда-то на Земле. А разве мы не можем наслаждаться этим уже сейчас? Конечно, можем. Что нам мешает обуздывать и смирять свои страсти; иметь лишь добрые намерения и следовать им; добросовестно и тщательно исполнять каждодневные поручения Бога; преодолевать трудности, связанные с нашей профессией; отказывать себе в спокойной жизни, чтобы помочь кому-нибудь из ближних, попавшему в беду. Это и многое другое нам вполне доступно. Оно-то и последует за нами. Когда день клонится к концу и мы, поужинав в одиночестве либо в кругу семьи или друзей, отправляемся спать, предаваясь воспоминаниям о сделанном за прошедший день, – как сладки эти воспоминания! Как отраднo на душе от представления о выполненной нелегкой работе, обузданных греховных желаний, доставленной радости ближнему. *Вот они – Небеса, что на Земле.* Кому подобное неведомо, тому не следует рассчитывать на них, когда он покинет Землю. Добрые дела, которые последуют за нами, – плоды многих земных дней, употребленных на добро. Откуда взяться этим Небесам, если ты не пытаешься подобающим образом строить свою земную жизнь?

«...И так всегда с Господом будем»² – вот оно в нашем понимании высшее блаженство. И это действительно так. А разве мы уже не с Ним? Неужели и вправду нам когда-нибудь удастся стать к Нему еще ближе, чем сейчас? Представление, будто Бог живет где-то высоко над звездами и, перейдя в мир иной, мы станем к Нему еще ближе, – чистейшее заблуждение. Он творит и действует на Земле. Свидетельство тому – богатства, рождаемые Землей, удивительные растения и животные, но прежде всего наше мудрое устройство и мудрое управление нашей судьбой. Он непременно там, где действует и творит, а стало быть, с нами, а мы – с Ним. Правда, Бог невидим, но можно ли надеяться, что однажды мы Его увидим? Видимы лишь физические тела, а дух, коим Он и является, видимым для нас никогда не станет. Мы вправе лишь ожидать, что, изложив Ему свои мысли и просьбы, получим в ответ подтверждения, что Он рядом с нами и их слышит. Но такая возможность у нас есть и сейчас.

Кто истинно чтит Бога, не упустит и дня, чтобы не обратиться к Нему в мыслях, не изложить Ему свои просьбы и не отчитаться за свое поведение. Недаром Давид говорит: «...я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о тебе в ночные стражи»³. А ведь у него не было тех правильных понятий о Боге, что есть у нас, живущих спустя несколько тысячелетий после него и получивших за это время неизмеримо больше подтверждений Его доброты и мудрости. Кто станет отрицать, что мы умеем в мыслях сблизиться с Богом, доносить до Него свои горести и желания? И кто, делающий это искренне, по-детски чисто и доверчиво, не ощущал при-

¹ Откр. 14:13. – Прим. пер.

² 1 Фес. 4:17. – Прим. пер.

³ Пс. 62:7. – Прим. пер.

лива сил и бодрости? Кто, размышляя о прожитых годах, не вспомнит, как, бывало, внезапно разрешались серьезные проблемы, а суровые превратности судьбы обращались ему во благо? Как его решительно предостерегали не сворачивать с прямого пути? И если, дорогой читатель, это тебе знакомо, то не сомневайся – Бог с тобой и ты с Ним. А если же ничего похожего припомнить не удастся, значит, эта книга не для тебя. И причина вовсе не в том, что ты Богу безразличен, она в твоём бездумном образе жизни. Ты уподобился легкомысленному ребенку, который, находясь среди взрослых и расшалившись до предела, не обращает никакого внимания на отца и не видит, как тот строго и с любовью смотрит на него, время от времени знаками призывая его не забываться.

Однако общение с ангелами доставит нам такое блаженство, которого нам здесь никогда не достичь. И все же отчасти оно возможно, если как следует захотеть. Конечно, когда мы станем совершенными, оно будет полнее. Но из этого не следует, будто испытывать такие же чувства от общения и с людьми невозможно.

Задумаемся над этим, забыв наши предубеждения. Кто такие ангелы? Служебные духи, посланные тем, кому уготовано блаженство. Разве нет таких духов и на Земле? Подумай хорошенько, дорогой читатель. Кто заботился о тебе, беспомощном существе? Кто тебя вскармливал, снабжал всем необходимым, когда ты был еще совсем слабеньким несмышленишкой? Кто тебя научил всему, что ты теперь знаешь? Кто вырастил для тебя хлеб, сшил одежду, построил жилище, изготовил инструменты, которыми ты пользуешься в своей работе, и часы, помогающие тебе планировать свое время?

Все это сделали люди, не так ли? Они и есть духи, которые тебе служат. Просто они, как и ты, еще не вышли из своей грубой оболочки, именуемой телом.

«Однако добрыми этих духов не назовешь, – возразишь ты. – Они эгоистичны, полны фальши, коварства, злобы». Но задумайся! А сам ты человек порядочный и чист в своих помыслах подобно ангелу? Оглянись вокруг, и ты непременно найдешь хоть *одну* родственную себе душу. Люди – существа испорченные, и каждый ведет себя как ему заблагорассудится, но невозможно себе представить, чтобы порядочный человек не нашел среди них ни одного такого, с кем бы он мог общаться, делить свои радости и тяготы этой жизни. Что же касается прочих, то, как будет показано ниже, люди обычно лишь кажутся злее, чем они есть на самом деле, и делаем их такими обычно мы сами своим поведением. Так, нередко школьные учителя, жалующиеся, что их окружают не дети, а сущие злодеи. Другие же видят самые радостные часы своей жизни в общении с учениками. И в ком причина, что одни ученики – злодеи, а другие – милые и послушные дети?

Со взрослыми дело обстоит несколько иначе, нежели с детьми, но ситуация похожая. В каких-то случаях мы представляем себе людей хуже, чем они есть на самом деле, каких-то наше поведение заставляет недоброжелательно относиться к нам. А если причина не в нас – значит, они просто злы по своей натуре, и Бог выбрал этих людей в качестве инструментов, с помощью которых Он достигает своих целей и способствует нашему благу. Стоит только посмотреть на них под этим углом зрения, посчитав их инструментами, которыми манипулирует сам Бог, и мы тотчас почувствуем себя в окружении ангелов.

Надеясь, что однажды сможем созерцать дела и творения Божьи, мы предвкушаем будущее, открывающее перед нами приятнейшие перспективы. И это действительно так, ибо их созерцание и принесет нам в основном блаженство. Но ведь и сейчас мы живем в окружении дел и творений Всеблагого. Поднимающийся вокруг нас туман, возвышающаяся перед нами гора, камни в ее недрах, бьющий из горы источник, мох, трава, капуста, куст, дерево, червяк, насекомое, рыба, птица, млекопитающее – разве они не творения Божьи? Мы живем среди них и в то же время с нетерпением ожидаем того блаженного мгновения, когда сможем их созерцать! Задумавшись над многообразием природы и научившись у нее мудрому, благотворному сочетанию всех ее элементов, мы откроем для себя неиссякающий источник радости и обре-

тем Небеса уже на Земле. Но если в окружении творений Божьих жить бездумно, то никаких радостей от их созерцания нам не испытать. Да и надеяться на удовольствие от созерцания дел и творений Божьих в будущем мире особо не стоит. Ибо равнодушный к ним на Земле вряд ли испытает большую радость при виде новых дел и творений в других мирах Вселенной.

Но как тут в качестве возражения не упомянуть о тяготах нашей земной жизни? Отрицать их нельзя. Мучениям и болезням, терзающим наши тела, оскорблениям и неприятностям, причиняемым нам людьми, нет числа. Неудачное стечение обстоятельств в состоянии уничтожить плоды многолетнего упорного труда. А все еще случающиеся войны с их ужасами, перед которыми восстает человеческая природа? При виде этих и тысяч других бедствий, от которых стонут люди, мы называем нашу Землю юдолью плача и печали.

Но сложив вместе все человеческие горести и беды, можно лишь прийти к выводу, что на Земле живут не только блаженные, большинство ее жителей ужасно несчастны. Однако из этого еще не следует, будто каждый отдельный человек, если он того серьезно хочет, не сможет наслаждаться небесным блаженством уже здесь.

Как правило, причина того, что жизнь на Земле такая тягостная, в нас самих, в нашем невежестве, нашей глупости, инертности, податливости нашим неуёмным желаниям. Но если серьезно стремиться быть разумнее и мудрее, побеждать свои желания и инертность, то скорби начнут отступать и со временем почти исчезнут. Прежде больной, изучивший свой организм и избегающий теперь пагубных для него воздействий, будет пребывать в здравии, а живущий среди людей, вызывающих у него одну лишь досаду, став более благоразумным, сдержанным и обходительным, почувствует себя счастливым.

И все же существует еще предостаточно бед, которые могут незаслуженно случиться с нами. Избежать их не всегда возможно, но стоит только сильно захотеть, и они покажутся нам не такими уж мучительными и ужасными, а со временем даже станут нас радовать. Наша судьба не такая ужасная, как кажется. Представляя ее более светлой, мы ослабим их воздействие на нас.

Сколько страха в глазах больного, имеющего в результате неправильного воспитания сильное отвращение ко всем лекарствам, когда ему предстоит принимать их! Как приходится уговаривать его! Другой же, более разумный, сам навещает врача, просит выписать ему лекарство и спешит принять его. Иной путешественник, застигнутый в пути бурей и проливным дождем, начинает причитать, что непогода нанесет вред его здоровью, в то время как его спутник, уверенный, что случившаяся непогода только укрепит его тело, с улыбкой шагает подле него, не обращая никакого внимания на ту же бурю и ливень. Более того, во все времена были люди, которые без малейшей скорби и страха переживали утрату всех своих благ, свободы и даже без волнения поднимались на эшафот, спокойно идя навстречу своей судьбе, так же как иные идут к столу.

Кто мешает нам стать такими же, если этого захотеть? Мы сможем преуспеть настолько, что никакое несчастье, никакая неприятность и даже мучительная смерть не сломают нас и не лишат душевного покоя.

Как же достичь такого величия и крепости души? Самое надежное средство – это живая вера в то, что повсюду действует Бог и самая жестокая судьба – веление Его любви, Его воспитательный прием, которым Он пытается сформировать мой дух и сделать восприимчивее к наслаждению блаженством.

Но, мой дорогой читатель, жаждущий блаженства на Небесах, спеши наслаждаться блаженством, пока ты на Земле⁴. Наслаждайся им уже сейчас, читая эти строки. Убеди себя в том,

---

⁴ При виде звездного неба в нас вспыхивает надежда, что однажды, когда мы перенесемся на одну из бесчисленных звезд, к которым сейчас с восхищением обращаем свои взоры, мы окажемся на Небесах, забывая в то же время, что наша Земля одна из них и подобна, например, Венере. Но когда мы смотрим на нее с Земли, где люди убивают друг друга из ружей и пушек, где не утихают стоны и вопли, нам кажется, будто на ней царит покой. Но если жители Венеры в тот момент, когда у

что ты уже с Богом, который знает о твоих желаниях, а ты можешь узнать Его волю. Всегда и во всем следуй ей неотступно, дела, доверенные Им тебе, и обязанности, возложенные Им на тебя, делай и исполняй добросовестно. Смотри на природу как на Его творение, а на людей вокруг себя как на посланников и инструменты Бога, посредством которых Он воздействует на тебя. Тогда твои горести окажутся мудрым средством твоего воспитания, и ты ощутишь привкус блаженства. Но чтобы действительно наслаждаться блаженством, его увеличивать и приумножать, для этого нужно еще неусыпное внимание к себе, совершенствование навыков и деятельное участие в жизни. Наставления к этому и даются в настоящей книге.

нас идет война и тысячи людей лежат в лужах крови, оглашая воздух громкими воплями и стенаниями, посмотрят на нашу Землю, разве не покажется им, что здесь тишина и покой?

Книга первая

О блаженстве, которое можно найти в самом себе

Мы предвкушаем Небо, что ждет нас по ту сторону гроба, ожидая, что там станем совершеннее, будем больше знать и понимать, окажемся способными на многое, что нам не под силу сегодня, и очистимся от грехов. Стало быть, нам заранее хорошо известно, в чем причина нашего нынешнего недовольства собой и наших бед, почему мы уже сейчас не наслаждаемся Небесным блаженством.

Где же наше благоразумие? Почему бы нам безотлагательно не заняться самосовершенствованием? Ведь чем совершеннее мы становились бы, тем счастливее была бы наша жизнь, а перестав грешить, мы тотчас же стали бы жить как на Небесах.

«Разве такое возможно, – скажут нам, – здесь, на Земле, когда мы так далеки от совершенства, ограничены в своих воззрениях, а наши знания отрывочны, где нами командует плоть, где у нас перед глазами предостаточно дурных примеров и соблазнов, склоняющих нас забывать о своих обязанностях?» Все это, конечно, так, но что из этого следует? Только одно – совершенство достигается трудом и ценой больших усилий. Кого это не пугает, тот без промедления устремится к нему.

А ты, мой читатель, пытался ли когда-нибудь стать совершеннее, иначе говоря, разумнее, лучше и очиститься, насколько это возможно, от грехов? Не сомневаюсь, ты ответишь утвердительно и тотчас же посетуешь на свое слабование.

Не надо себя обманывать! Чтобы помочь тебе задуматься над самим собой, задам ещё один вопрос: какая твоя самая главная жизненная цель? Совершенство? Или ты считаешь его качеством не самым важным? Думаю, далеко не каждый читатель ответит на мой вопрос утвердительно. Те, для кого важнее всего в жизни совершенствовать себя, должно быть, поняли, что их Небеса уже на Земле.

Но поскольку мало кто из читателей станет искренне утверждать о себе нечто подобное, то мы позволим себе сказать по этому поводу следующее.

Стремятся к совершенству чуть ли не все, однако, как правило, выбирают совсем не то направление, уделяя основное внимание внешнему, а не внутреннему. Для таких людей главное – комфортная жизнь, вкусная еда, удовлетворение чувственных желаний, всеобщее внимание к себе, преумножение доходов. Вот что обычно движет ими и является их главной целью, совершенство же в их понимании не более чем средство для ее достижения. Они развивают в себе способности зарабатывать деньги, когда нужно обуздывать чувственность, иначе с ней в будущем не справиться, а свой долг исполняют лишь ради похвалы и одобрения.

Если мы и вправду убеждены, что само приближение к совершенству уже несет нам Небесное блаженство, то зачем же направлять свои усилия совсем на другое, совершая неблагоразумные поступки и идя вразрез с собственными воззрениями?

В том извечном противоречии и следует искать первейшую причину, почему Небеса столь редко обретаются на Земле.

Пока самосовершенствование – дело для нас второстепенное, мы в нем и не преуспеваем. Оно в нашем понимании всего лишь инструмент для достижения каких-то целей, и можно обойтись и без него, тем более есть иные, проторенные и более надежные пути, ведущие к тому же результату. Когда долг исполняют только ради похвалы, то им легко и пренебрегают, когда вдруг выясняется, что не исполнять его куда почетнее. Именно так и поступает иной придворный, выказывающий верность и усердие государю, который ценит и щедро вознаграждает слуг, исправно исполняющих свою должность. Но такой придворный примется столь же энергично

поддерживать и неблагоприятные замыслы деспота, добравшегося до власти. Своей цели – его благосклонства – он, возможно, и добьется, но вот Небес на Земле ему не обрести.

Когда же на первое место ставится не самосовершенствование, а что-нибудь другое, то причину того следует искать в стремлении добиться личного благополучия. В этом случае мы становимся похожими на детей, бегущих со всех ног туда, откуда поднимается радуга, и никогда ее не достигающих.

Блаженство – явление духовного порядка, так где же его искать, как не в самом себе?

Истина настолько неоспоримая, что на первый взгляд и говорить о ней незачем. Но поскольку люди, как правило, поступают вразрез с ней, то давайте все же остановимся на этом вопросе поподробнее.

Все нас окружающее имеет по большей части цену, нами же и назначаемую. Те вещи, которыми мы пока не обладаем, наделяются в нашем представлении способностью сделать нас счастливейшими из людей. Наше воображение всеми силами старается представить их чрезвычайно привлекательными, подстегивая тем самым наш ум, и он принимается выискивать пути и средства для обретения этих вещей, мобилизуя все наши силы на их приобретение. И пока мы их добиваемся, наше местопребывание отнюдь не на Небесах. Да и как можно пребывать на Небесах, не имея того, что в нашем понимании является нашим благом? Если затея кончается неудачей (а так чаще всего и бывает), мы впадаем в уныние. А если все же удастся заполучить желанное, мы какое-то время упиваемся тем, чем владеем, но вскоре замечаем, что никакого блаженства оно нам не принесло, наше воображение нас просто обмануло. И мы приблизились к своей цели не более, чем дети, подбежавшие, запыхавшись, к дереву, с которого, как им казалось, до радуги можно было дотянуться рукой.

Клеон, молодой бедный купец, начинает свое дело с небольших сделок, дохода от которых хватает на удовлетворение лишь самых насущных потребностей. Если, занимаясь своим ремеслом, он одновременно считал бы своей главной целью самосовершенствование, то наверняка блаженствовал бы уже на Земле. Но это не так. Другой купец, его сосед, торгует со всей Европой, дом у него – настоящий дворец, экипаж не хуже, чем у аристократов, стол заставлен яствами из всех стран, и он вообразил себя уже на Небесах, что на Земле. Все его помыслы устремлены к этим Небесам. Они – его заветная цель, и нет для него ничего важнее, чем достижение этой цели. Ради нее он готов пожертвовать чуть ли не всем, о собственном же совершенствовании он и не вспоминает. Стремись он прежде всего к нему, жадность над ним бы так не возобладали. Он ее не то что не усмиряет, а даже охотно продается ей в рабство, работая неустанно день и ночь ради удовлетворения всех своих желаний и удовольствий. Одни, завершая день, мысленно отдают себе отчет, хорошо ли исполняли свои обязанности, он же подсчитывает, сколько бы заработал, если бы купил, а потом удачно сбыв тот или иной товар. Его цель – хорошие отношения с крупнейшими торговыми домами, что ему и удается. Он заказывает большие партии товаров и направляет все свои душевные силы на то, чтобы как можно скорее их выгодно продать. Все красноречие он употребляет на привлечение покупателей, навязывая им свои товары, в душе осознавая, что они им не нужны. Удастся ему, к примеру, склонить иную женщину приобрести у него дорогое платье, то он радуется не меньше, чем филантроп, сумевший помочь бедному человеку одеть его разутую и раздетую семью. А ведь ему доподлинно известно, что для той женщины такая трата не по карману. Он охотно раздает кредиты, но стоит только иному должнику чуть задержаться с его возвратом, он немедленно подает на него жалобу, принимаясь выколачивать из него долг. Случись ему разорить иную семью, вынудив ее отдать ему за долги часть своего скудного имущества, его это нисколько не печалит, ведь он же вправе взыскивать с них то, что принадлежит ему.

И вот молодой купец Клеон, проработав без отдыха несколько лет, достигает наконец того, к чему так усердно стремился! Он переезжает из своей маленькой квартирki во дворец, заказывает в Париже мебель, стол его ломится от яств, он ездит теперь в карете туда, куда

раньше ходил пешком. Все замечательно, но вот только желанных Небес на Земле у него как не было, так и нет.

Какое-то время у него от радости кружится голова, но при этом он старается не замечать многих огорчений, что приносит ему его новое положение, надеясь, что постепенно все как-то уладится.

Но вот волшебный сон рассеивается. Звон золота в руках уже не доставляет ему столько радости, сколько прежде приносили медные гроши, когда он пересчитывал их. Дорогое бюро из Парижа становится ему таким же безразличным, как в былые времена его сосновый секретер. Зато в его жизни появилось множество неприятных моментов, о существовании которых он раньше и не подозревал. Как выставленный на окно горшок с медом приманивает ос, так и слава о его богатстве влечет к нему целую толпу людей, пытающихся лестью и интригами отхватить у него часть добра. Его дети, усвоившие, что у них богатый отец, не хотят учиться чему-нибудь полезному, учителя смотрят сквозь пальцы на их ошибки и промахи, восхваляя их перед отцом в надежде заполучить хорошее преподношение. На завтрак у них уже не молоко, а кофе, вместо бутерброда – печенье или пирожное. От такой жизни они становятся хилыми и болезненными. Поскольку карманных денег у них хоть отбавляй, вокруг них выются всякие людишки, помогающие им удовлетворять их необузданные желания. Они предаются излишествам, покрывая себя позором, делают долги, а иные даже заражаются «неприличными» болезнями. Отец ест уже не с тем аппетитом, с каким прежде поглощал капусту с бараниной. Разнообразие блюд все же склоняет его предаваться наслаждению едой, отчего у него расстраивается пищеварение. Прежде он бодрым шагом ходил по улицам в легкой одежде, не обращая внимания на снег и дождь, теперь же ездит в экипаже, закутавшись в лисью шубу. В результате нервы у него расшатались, и он теперь живет в чуждой ему атмосфере.

Пройдет немного лет, и Клеон будет сидеть в кругу своей семьи, состоящей из порочных людей, мучимый подагрой, недовольный собой и готовясь к блаженному концу. Вот они – его Небеса на Земле! Да избавит нас Бог от таких Небес!

Миртила можно только пожалеть. Случается день, от которого он в упоении, но затем вновь неделями пребывает в тоске и печали, подумывая даже о самоубийстве. Спросите: чего ему не хватает? С грустью расскажет он вам о некоей Лауре, она – источник всех его радостей и горестей. Без нее мир – сущий ад, для него же она станет Небесами на Земле, если однажды он назовет Лауру своей. Ее приветливый взгляд придает ему силы, а равнодушие доводит чуть ли не до гибели. Сможет ли Миртил истинно обрести в такой малоприятной ситуации Небеса на Земле? Конечно нет. Однако вскоре он достигнет вожаемой цели, Лаура станет его, и ему покажется – вот они, желанные Небеса. Но так будет продолжаться недолго, всего лишь несколько недель после свадьбы.

Пройдет совсем немного времени, и он неожиданно поймет, как прежде заблуждался. С каждой неделей он будет все меньше обращать внимание на прелести Лауры, на ее дивный голос, ее шутки, прежде столь восхищавшие его. Настанет день, и все это перестанет его волновать. Он вдруг увидит в своей супруге, которую, прежде чем овладеть ею, так часто называл своей богиней, совершенно обыкновенную женщину. Более того, он примется открывать в ней такие изъяны, которых не замечал в ее восхитительном образе, нарисованном ему его же воображением. Потом его начнут коробить ее эгоизм, тщеславие, кокетство, дух противоречия, раздражающие его неприятные ссоры, тем больнее ранящие его сердце, что вовсе не он их затевает. Наконец Лаура становится матерью, но роды проходят неудачно, родившийся мальчик через несколько дней умирает, и мать на протяжении нескольких недель остается прикованной к постели. Трудные роды сильно подрывают ее здоровье. Но когда она все же встает с постели, оказывается, что прежнего очарования в ней уже нет: цветущие щеки увяли, лучистый взор потускнел. Домашнее хозяйство в запустении, появились долги. Такое может случиться с каждым, но Миртила, мечтавшего о Небесном блаженстве с Лаурой и не допускав-

шего и мысли, что эти Небеса окажутся именно такими, все это сражает наповал. Он уже не замечает в своей жене многих хороших качеств, и любая совершаемая ею оплошность выводит его из себя. Лаура, привыкшая видеть в Миртиле своего обожателя, восхищавшегося всем, что она говорила и делала, ощущает себя очень несчастной, поскольку теперь ее обожатель исчез, а на его месте оказался грубый, ворчливый супруг. У них рождаются еще дети, но они не приносят им радости. Постоянные раздоры между родителями мешают совместному воспитанию. То и дело они действуют вразрез друг с другом. Одни дети умирают в раннем возрасте, другие вырастают болезненными и непослушными. Вот так, в постоянной тоске и огорчениях, протекает их жизнь, и могила уже не за горами. Миртил надеется, что в ней его мучениям придет конец.

Двадцать лет Семпрон снимал жилье, скитаясь по чужим домам, что сильно омрачало его жизнь. Отсутствие собственного угла он считал своей главной бедой. «Будь у меня свой дом, – думалось ему, – я был бы самым счастливым человеком на свете». А пока жизнь в этом мире казалась ему постылой. И вот несколько недель назад его мечта осуществилась. Один из его родственников умер, оставив ему состояние. Теперь он может купить себе дом, который он обставит так, как ему всегда хотелось. Какое счастье! Скоро он в него переедет, пригласит в гости всех своих друзей и вместе с ними весело и приятно проведет день. На следующей неделе он просит архитектора осмотреть дом, тот находит в нем ряд дефектов, и ему приходится заниматься его ремонтом, на что уходит немало денег. Ремонт на полгода отвлекает его от дел, к тому же приходится платить всякие налоги, от которых он был раньше освобожден. Вскоре начинается война, вражеские войска занимают город и расквартировываются в домах. Ему назначают на постой двенадцать человек, которых он в течение нескольких недель обязан кормить. Они ведут себя так, что ему порой не хочется жить. Враг требует контрибуции, которая распространяется на недвижимое имущество и земельные участки, отчего его дом теперь обходится ему куда дороже, чем прежняя арендная плата за снимаемое жилье.

В заключение всех его бед соседний с ним дом покупает склочный и неуживчивый человек, отравляющий ему жизнь. И тут он к своему великому сожалению замечает, что в собственном доме ему живется куда хуже, чем прежде в снимаемой квартире.

Можно привести еще сотни примеров, доказывающих одну простую истину: материальные вещи не имеют той цены, которую им приписывают, и не дают нам того блаженства, которого мы от них, пока ими не владеем, ожидаем. К чему столько слов? Достаточно каждому поразмышлять над своей прожитой жизнью, и он обнаружит, что теперь у него есть много того, чего он раньше так страстно желал, но жизнь его лучше от этого не стала. Получив желанное, он избавился от некоторых печалей и забот, но взамен у него появились новые, о которых прежде и не ведал. Привлекательность иных вещей, пока у нас их нет, в настоящем пропадает, поскольку она в известной степени плод нашего воображения, и вдобавок по мере привыкания, не производит на нас былого впечатления. Не так ли?

Не нужно забывать и о бренности всего, что вне нас. Чем ценнее нам кажутся внешние вещи, чем больше мы прикипаем к ним сердцем, чем сильнее нас к ним влечет в надежде испытать блаженство от обладания ими, тем мучительнее понимание того, что они не вечны.

Ребенок – единственное, о чем мечтала Хлорис. Без ребенка ей жизнь была не в радость. И вот он у нее есть. Он – самая большая ее ценность. Мысль, что ее ребенок может умереть, для Хлорис просто невыносима. По десять раз в день она осведомляется о его самочувствии. Любое необычное покраснение на его лице, любые нарушения пищеварения становятся причинами бессонных ночей. Она то и дело советуется с врачами, те выписывают лекарства, которыми она его пичкает. Из опасения строгостью навредить здоровью ребенку разрешаются любые шалости. Вокруг эпидемии то кори, то краснухи, то оспы – и Хлорис из-за страха, что ее ребенок заразится, живет точно в аду. В конце концов ребенок все же заражается корью и умирает. С

матерью то и дело случаются обмороки, она уверяет окружающих, что ее самое большое желание – как можно скорее соединиться со своим Генрихом.

Подобное происходит со всем, что не в нас. Любой человек, как бы он ни был нам дорог, смертен, и его симпатии к нам не вечны. Любой дом может сгореть, деньги, любую ценную вещь у нас могут украсть, и тысячи несчастных случаев способны лишить нас всего, что у нас есть. Чем ценнее для нас внешние вещи, тем мучительнее представление об их бренности, тем безутешнее наше горе, когда мы их и вправду лишаемся.

Стало быть, если наша главная цель – приобретение и сохранение вещей, без которых, по нашему разумению, нам не стать счастливыми, то тут мы явно заблуждаемся и гоняемся за тенью в надежде ее поймать, ставя наше счастье в *зависимость от преходящего*. О каких тут Небесах на Земле можно говорить? Живя так, их нам никогда не обрести. Ведь Небеса в нашем понимании есть нечто непреходящее, вечное.

Мы же, видящие в совершенствовании залог Небесного блаженства, просто обязаны действовать по своим убеждениям, только тогда мы обретем Небеса, что на Земле. Именно к ним должны быть обращены все наши думы и чаяния, любое желание и любое устремление следует подчинять только этой цели.

Иные, желая возразить, спросят меня: а разве можно совершенствоваться, живя на Земле? (Замечу: совершенствоваться и быть совершенным – далеко не одно и то же; первое означает приближение к совершенству.) Я же, в свою очередь, спрошу их: кто из вас когда-либо ставил перед собой такую цель, которая была бы для вас самой главной? Если таких не найдется, то, я думаю, этот вопрос можно оставить без ответа.

Так что же такое совершенство? Совершенство – это совокупность всех хороших качеств, которыми может обладать благодаря своим природным данным тот или иной субъект. Выходит, совершенным допустимо считать человека, имеющего завидное здоровье, сильное и ловкое тело, обладающего разнообразнейшими знаниями, самыми верными взглядами, крепчайшей волей. Сами же старания и стремление привить себе максимум тех хороших качеств называются совершенствованием. Когда Каюс намеревается изучить философию, Титиус упражняется в плавании, а Семпрониус пытается развить свою силу воображения, сделав ее живее и богаче, то все они совершенствуют себя, хотя не исключено, что ни один из них Небес на Земле так и не найдет.

Сами по себе человеческие качества конкретной ценности не имеют. Они подобны нулям, значимость которых зависит от числа, стоящего перед ними. Но у человека есть одно качество, определяющее ценность всех прочих, которое именуется – правильное понимание своего долга и обыкновение действовать сообразно с этим пониманием, что в дальнейшем я буду для краткости называть *исполнением долга*. Вот оно-то и определяет нашу истинную ценность. Все прочие хорошие качества, которые можно развить в себе, ценны лишь настолько, насколько они способствуют исполнению нами своего долга. Справедливость сказанного доказывать не нужно. Это и так хорошо понятно, к чему еще доказательства? Значит, критерием ценности человека может служить только то, насколько он верен своему долгу. Какой правитель самый достойный? Какой купец самый уважаемый? Какой ученый самый выдающийся? Какой солдат, ремесленник, пастух самый лучший? Какая прислуга самая лучшая? На все эти вопросы один ответ: тот из них, кто вернее всех служит своему долгу.

Заметив, что иной человек отличается от других именно этим качеством, мы уже считаем его для себя самым ценным.

Если кто-нибудь меня спросит, а что такое долг, я вместо ответа задам ему несколько вопросов.

Вопрос. Какой долг у отца перед своими детьми?

Ответ. Материально обеспечивать их и воспитывать.

В. Если они заболеют, каков его долг?

- О. Сделать все для того, чтобы они выздоровели.
- В. Если он сам их воспитывать не может, каков его долг?
- О. Обеспечить их воспитание другими людьми.
- В. Какими?
- О. Теми, кого он считает наиболее добросовестными и умелыми.
- В. Если кто-то нанимает прислугу, каков его долг?
- О. Выплачивать ей положенное жалованье.
- В. Если прислуга неумелая?
- О. Обучать ее.
- В. Если она работает с огрехами?
- О. Вразумлять ее.
- В. Если она, поступив к нему в услужение, заболит?
- О. Заботиться о ней и лечить.
- В. Когда она со временем состарится и ослабеет, каков его долг?
- О. Кормить ее.
- В. А если она, находясь у него на службе, умрет и оставит малолетних детей, нуждающихся в воспитании, каков его долг?
- О. Заботиться об их воспитании.
- В. Но если отец или мать не оставили на это денег, каков его долг?
- О. Выделить на это денег.
- В. Если кто-то не настолько состоятелен, каков его долг?
- О. Постараться их достать.
- В. Если человека со скромным доходом, который едва сводит концы с концами, приглашают в общество, где каждую неделю устраивают пиры, а два раза в год – балы, то каков его долг?
- О. Отклонить приглашение.
- В. Если некто взял займы?
- О. Вернуть долг.
- В. Если некто дал некое обещание, каков его долг?
- О. Сдержать слово.

Все вышеприведенные ответы вполне конкретные и правильные. Подобными вопросами можно было бы исписать еще несколько листов, и каждый из моих читателей наверняка даст на них такие же конкретные и правильные ответы.

Но если я, сформулировав вопросы несколько иначе, спрошу иного читателя, а каков именно *его* долг, то ответы, скорее всего, будут уже другими. Услышав от меня, к примеру, вопрос: «Твой слуга на службе у тебя состарился, что ты обязан сделать?», кто-то, наверное, пожмет плечами и скажет: «А что я теперь могу сделать для него, пусть о нем позаботятся люди». Если я спрошу некоего отца семейства, пекущегося о нуждах семьи: «Тебя друзья пригласили в свое общество, где каждую неделю устраивают пиры, а два раза в год – балы, каков твой долг?», то он, скорее всего, ответит: «Мой долг? Мое благосостояние обязывает меня принять это приглашение».

Выходит, как следует поступать другим, нам известно, а как нам – тут еще надо подумать.

Итак, простейший способ уяснить себе свой долг в обоих случаях один и тот же: нужно спросить себя: что, как тебе кажется, должен сделать другой, окажись он в твоём положении?

Правда, долг, который нам не хочется исполнять, тяготит нас, и мы принимаемся расплывчатыми ответами и всевозможными отговорками избавляться от этого бремени. Тут в ход идут и наша неспособность его исполнить, и наша занятость, и отрицательные качества того, перед кем мы в долгу, – и все это лишь бы убедить себя в необязательности исполнения того, что должно было бы сделать в аналогичной ситуации другому человеку.

А поскольку я хочу, чтобы каждый читатель *как можно скорее* обрел Небеса уже на Земле, и смог подниматься как бы по ступенькам все выше и выше, то я воздержусь от пространных и неуместных здесь поучений касательно долга человека, поскольку решающее значение для их обретения имеет не знание долга, а его исполнение. Так почему бы нам не наслаждаться Небесами уже сейчас? К тому же подобные поучения только отпугнули бы тех, для кого долг и бремя суть одно и то же.

Итак, я советую всем желающим обрести Небеса на Земле и без промедления начать делать то, что велит им их долг. Ведь у каждого наверняка есть какие-то обязанности и он считает себя должным их исполнять. Так вот с них и начните, но не *вполсилы*, а изо всех сил, делая их максимально добросовестно и аккуратно. И когда вы почувствуете, что ваши силы и достоинство возрастают и ничто на свете не дает столько покоя и блаженства, как именно исполнение долга, у вас возникнет естественное желание брать на себя как можно больше обязанностей.

Мнение, будто любая обязанность только в тягость, возникает у того, кто ее не собирается исполнять или исполняет кое-как. Неисполненные обязанности действительно тяготят нашу душу, исполненные же доставляют удовольствие. Сознание, что мы их выполнили, – высшее благо, какое можно только найти на Земле. Не верите? Сделайте то, что вам надлежит сделать, а потом ответьте мне.

Долг и обязанности следует исполнять *до конца*, считая это главной целью всех наших трудов. Им нужно подчинять все наши стремления и желания. Любое стремление следует пресекать, любое желание подавлять, любое общение прерывать, от любого дела отказываться, если они уводят нас от этой цели. В идеале все, что мы думаем, говорим и делаем, должно иметь самое прямое отношение к исполнению нашего долга.

«Ну, это уж слишком», – скажут мне. Что значит слишком? Слишком будет только в том случае, если требуемое нам не под силу. Но мы говорим о другом. Я даже берусь утверждать, что, делая исполнение долга своей первейшей целью, мы этим, как ничем другим, облегчаем себе жизнь. Простейший и кратчайший способ добраться до нужного города – держаться все время прямого пути, ведущего к нему. А если я вздумаю, проехав милю вперед, вернуться затем на пару миль назад, то мне придется вновь проехать те же две мили, отчего я только еще больше устану, не приблизившись к цели настолько, насколько приблизился бы, *постоянно двигаясь вперед*.

Не происходит ли то же самое, когда исполнение долга для нас не самое главное? Когда есть еще и другие, побочные цели, отвлекающие нас от главной? Когда, к примеру, исполняя перед иным человеком свой долг, мы, будучи людьми азартными, то и дело отвлекаемся на десять других дел, проявляя свою необязательность?

В таких случаях обычно сетуют на тяжкую борьбу, которую приходится вести со своей несобранностью и которая так осложняет исполнение долга. А может быть, посчитав это своим первейшим делом, мы бы тем самым ослабили накал той борьбы и по возможности не дали ей разгореться? Если подавить свою неорганизованность на один день, а затем снова несколько дней ей потакать, то так мы только разовьем ее, лишив крепости наш разум, которому следовало бы бороться с нею. И тогда исполнение своих обязанностей не принесет нам никакого удовольствия.

Каюс знает свои обязанности и стремится их исполнять. Но дается это ему нелегко. Каждый шаг, предпринимаемый им в этом направлении, каждое напоминание о его долге, мешающее ему с наслаждением предаваться трапезе, каждый час, который он из-за этого вынужден отрывать от своего сна, исторгают из его груди тяжкий вздох. Семпрон же исполняет все те же и многие другие обязанности с величайшей радостью и легкостью. В чем причина такого различия? Главная цель Семпрона – исполнять свой долг, и его натура с этим уже свыклась. Каюс же, напротив, ставя на первое место удовлетворение своих желаний, исполняет свой долг как

бы между прочим, отчего всякий раз, когда ему для этого надлежит что-то сделать, вынужден вести жестокую борьбу со своими пристрастиями.

Эрлих известен своей верностью долгу. Если он что пообещает, то наверняка выполнит. Прибыль от продаваемого им товара всегда составляет ровно столько, сколько позволяет ему его совесть. Он никого не уговаривает купить у него товар, а если иное изделие имеет изъян, то он открыто указывает на него покупателю. Закупая товар, он никогда не наживается на некомпетентности продавца или стесненных обстоятельствах, в которых тот находится, а платит за него ровно столько, сколько может дать, не рассчитывая на большую прибыль. Если в его окружении появляется некто, нуждающийся в его поддержке, он тотчас помогает ему чем может. И все это делается им непринужденно и с такой же легкостью, с какой его сосед «забывает» о своей задолженности Эрлиху, на которую тот уже давно махнул рукой.

Для иного главное в жизни – нажить себе солидное состояние. Это превратилось в страсть, и все, что им ни делалось, подчинялось только этой цели. Он держит слово, чтобы получать кредиты; продавая свои товары, не стремится к чрезмерной прибыли, чтобы привлечь побольше покупателей, и точно в срок платит своим поставщикам, дабы те предпочитали его и несли ему плоды своего труда.

Что же касается обязанностей, идущих вразрез с его главной целью жизни, то они вызывают у него одну досаду! Чего стоит ему, продавая товар заезжему покупателю, которого он, скорее всего, больше никогда не увидит, удержаться от того, чтобы не нажиться на нем. Или как приходится ему заставлять себя показывать покупателям имеющиеся у товара изъяны, идти на уступки задолжавшей ему бедной семье! Как тяжело он расстается с дукатами, которые приходится ему, как состоятельному человеку, жертвовать на восстановление сгоревшей приходской церкви! Обычно его совесть в борьбе с корыстолюбием терпит поражение, а если порой и побеждает, то только ценой его огромных усилий.

Дафнис и Хлоя вынуждены пропустить устраиваемый сегодня вечером маскарад и остаться со своими детьми. Дафнису от этого удивительно отрадно на душе, и сознание того, что он поступает так, как велит ему долг, наполняет его еще большим блаженством, какого не испытать ни одному из тех, кто придет на маскарад.

Хлое же, напротив, это решение стоило больших усилий, теперь она в дурном настроении и ее сердце сжимается каждый раз, когда она слышит проезжающий мимо ее окон экипаж.

Как это получается, что одному исполнение своего долга дается легко, а другому с большим трудом? Причина проста: для Дафниса нет ничего важнее, чем делать то, что ему велит его долг, этому подчинены все прочие его желания, поэтому ему ни с чем бороться не нужно. Для Хлои же на первом месте чувственные наслаждения, отчего любая обязанность, следование которой противоречит ее главной цели, для нее только в тягость.

Если бы нам еще в детстве внушили, что самое главное в жизни – исполнять свой долг, то мы бы это делали без особого напряжения. Но вместо этого с первых дней жизни наши склонности и усилия направлялись совсем на другое. А если нас и призывали быть верными своему долгу, то лишь потому, что его исполнение обеспечит нам более прочное положение в обществе. Поскольку цель всегда важнее средства, а для достижения одной цели часто существует немало средств, то для нас важнее всего в жизни стало дело, а исполнение долга сместилось на второй план. Отсюда и столь популярные сетования на то, что наша плоть ни на что хорошее не способна, что хотений у нас хоть отбавляй, а вот с исполнением долга – просто беда. Прежде чем мы осознали необходимость выполнения своих обязанностей, в нас укоренилась привычка удовлетворять в первую очередь склонности совсем иного свойства, которые от частого потакания им обрели такую силу, что превратились в страсти, с которыми нам и приходится бороться всякий раз, когда мы намереваемся исполнить свой долг.

Чего стоит иному человеку, у которого тяга к развлечениям стала уже подлинной страстью, отказаться от запланированных развлечений и пойти туда, куда его зовет долг! Если

мы своевременно пресекли развитие подобных страстей, то и сражаться с ними пришлось бы намного реже.

Но еще не все потеряно, мы можем стать теми, кем нам надлежит быть. Нужно только этого как следует захотеть. Правда, придется изрядно потрудиться, но такое возможно.

Предположим, ты отправился в поездку на целебные источники, полагая, что ехать нужно на юг. Но, проехав несколько дней, вдруг замечаешь, что едешь явно не туда, а следовало бы их искать на севере. Выходит, твоя поездка оказалась не только напрасной, но и ввела тебя в ненужные расходы. Чтобы достичь своей цели, тебе придется повернуть назад и, проехав несколько дней, ты вновь окажешься там, откуда прежде выехал, не продвинувшись ни на шаг вперед. Ты, конечно, можешь достичь своей цели, но только поездка обойдется уже дороже и окажется более утомительной.

Я не собираюсь прописывать здесь пространные правила, следуя которым вы сделаете исполнение долга своей главной целью. Куда *приятнее и полезнее* задаться этим самому. Но я все же позволю себе дать несколько рекомендаций, которые облегчат эту задачу.

У нас почти каждый день выдаются хотя бы час или четверть часа, свободные от конкретных дел, когда мы, оставаясь наедине с собой и давая волю своим мыслям, принимаемся строить всевозможные планы на будущее. В эти моменты лучше сосредоточиваться на себе, однако наши мысли примутся витать вокруг того, что нам кажется важнее всего, расцветивая наши намерения в самые привлекательные тона и возжигая в нас желания. Обычно эти желания идут вразрез с нашими обязанностями. Как тут быть? Мы мечтаем о чем-то очень приятном, подразумеваемом пренебрежением нашими обязанностями, отчего в нас нарастает стремление именно так и поступить, ослабляющее нашу волю к их исполнению. Но если ты действительно хочешь в будущем всегда оставаться верным долгу, то отучи прежде всего себя от этой дурной привычки и возьми за правило, оставшись наедине с собой, размышлять о своих обязанностях и путях их исполнения.

Поначалу будет трудно, но потом все легче и легче, и в итоге ты придешь к тем Небесам, что на Земле.

Теперь представим себе мать, для которой самое главное – наряды и которая, проснувшись, первым делом принимается размышлять о том, во что бы ей одеться для прогулки. Она постоянно думает только об одном – как бы ей заказать еще нарядов и где взять для этого средства. Поймав однажды себя на мысли, что за всем этим она забывает о своем долге, женщина станет чаще употреблять эти праздные часы на размышления о своих обязанностях перед мужем и детьми. Правда, поначалу ей это будет даваться с трудом, но со временем превратится в истинное удовольствие, отчего обязанности не будут казаться ей уже такими обременительными, как прежде.

Мы только выиграем, если освободимся от всевозможных предубеждений, осложняющих исполнение долга. Прежде всего это представление о нем, как о нечто тягостном и обременительном. Когда мы вспоминаем о множестве обязанностей, лежащих на нас, то нами овладевают неприятные чувства, подобные тем, что возникают у крепостного крестьянина при размышлениях о своем подневольном труде. Но стоит нам только решительно взяться за дело, как эти чувства сразу же пропадают. От одного сознания, что ты исполняешь свой долг, на душе становится удивительно хорошо, и любые связанные с этим трудности и хлопоты кажутся не такими уж неприятными. Когда же долг исполнен, воспоминания о проделанной работе бывают тем отраднее, чем труднее была работа.

Человек, чувствующий, что ему нужно извиниться перед тем, кого он оскорбил, с досадой думает о своем предстоящем шаге. Но решившись на него, он испытает в душе облегчение, и, когда поймет, что сделал все возможное для предотвращения вражды, у него станет удивительно благостно на душе.

Итак, думая каждый раз о завершенных делах, мы почти всегда будем замечать, что досаду у нас вызывают именно мысли о невыполненных обязанностях. И как от нее избавиться? Выход один – исполнить их.

Далее, удовлетворение своих наиболее сильных желаний – занятие в нашем представлении сладостное, отказ же от них – совсем наоборот. Но и это предубеждение. Спору нет, момент их удовлетворения куда приятнее, чем тот, когда мы их в себе подавляем. Но какой разумный человек станет оценивать свои поступки по *первым* ощущениям, которые они в нем вызывают? Мы же не дети. Сознание отказа от иного желания и связанное с ним чувство своей силы доставляют, конечно же, куда больше радости, нежели сознание его удовлетворения.

Разумеется, сказанное относится в первую очередь к невинным желаниям, таким как, например, стремление в определенное время насладиться едой. Делая это, мы доставляем себе удовольствие. Но когда порой, стремясь возобладать над ним, решаемся отказаться от еды и доводим свое решение до исполнения, то вдруг узнаем, что, оказывается, есть куда более чистое и стойкое удовольствие, нежели вкусная еда. Попробуйте и убедитесь сами! Если даже при отказе от подобных желаний чувство нравственной силы приносит такое удовольствие, то куда больше удовольствия от сознания исполненного долга, которому поначалу препятствовало некое желание, успешно подавленное нами. Когда мы должны спасти жизнь человека, когда нами безотлагательно должна быть исполнена некая профессиональная обязанность, когда голодание поможет восстановить здоровье – разве допустимо в подобных случаях на первое место ставить свое гастрономическое удовольствие? Разве сможет человек, сознающий свой долг, забывая о нем, предаваться подобному удовольствию? И когда выбор сделан, что мы будем вспоминать? Как приятно было поддаться искушению и забыть о своем долге или, справившись с ним, сделать то, что тебе надлежало сделать? Пусть каждый спросит свои чувства и рассудит сам!

С другими чувствами ситуация такая же. Момент удовлетворения желания сладостен и приятен, а отказа от него – горек. Но если долг велит, то, наоборот, исполнение желания окажется горьким, а его подавление – сладким. Последнее не окажется таким уж неприятным от сознания того, что мы повиновались голосу долга. И как сладостно будет воспоминание! Чем сильнее был побежденный враг, чем острее было желание, с которым мы справились, тем приятнее воспоминание об одержанной победе.

А коли исполнение долга наша главная цель, на которую следует в первую очередь направлять все свои и мысли дела, то обращать ее в средство для достижения других целей не следует, иначе они станут для нас главенствующими, а исполнение самого долга делом второстепенным и не самым важным. Нужно добиваться, чтобы исполнение долга вошло у нас в привычку, и тогда левая рука не будет знать, что делает правая. Иными словами, мы привыкнем делать то, что нам надлежит делать, нисколько себя к тому не принуждая и не называя это исполнением своего долга. Нужно одинаково любезно приглашать к себе в гости того, кто не сможет отблагодарить нас подобным гостеприимством, и того, кто, скорее всего, со временем пригласит к себе в гости и нас. Порученную бесплатную работу надлежит выполнять так же добросовестно, как и любую другую, сулящую вознаграждение.

Поступая так как можно чаще, мы постепенно приучим себя искать свои Небеса не во внешнем, обычно призрачном вознаграждении, а в сознании исполненности собственного долга, где их непременно и найдем.

Иные возражат: «Разве мы не должны содержать себя и свою семью? А для этого нужно исполнять некие обязанности, другого пути нет. И как же можно требовать, чтобы при этом не ставить перед собой и другие цели?»

Возражение на первый взгляд правильное, но неубедительное. Конечно, содержать семью – наш прямой долг и причем один из самых главных. Но, исполняя его, честно занимаясь своим ремеслом, дабы заработать нужные средства, нам приходится одновременно исполнять и дру-

гие обязанности. Нужно только быть честным по отношению к самому себе и не включать в понятие «содержать семью» приобретение лакомств, украшений, роскошной одежды, содержание множества слуг и т. п., превращая в свою обязанность приобретение того, что диктует нам мода. Кроме того, нельзя считать зарабатывание средств своей единственной, иначе говоря, высшей обязанностью, нужно помнить, что она всего лишь *одна* из многих обязанностей, возложенных на нас.

Тот, кто всегда верен своему долгу, согласится со мной, иные же, только и думающие, как от него уклониться, сделают вид, что им мои рассуждения непонятны.

Поясню это на двух примерах из жизни людей ученых.

Катулл и Тибулл – профессора академии. Долг каждого из них – содержать себя и свою семью, и, обучая академическую молодежь, они зарабатывают для этого соответствующие средства.

На первый взгляд для обоих исполнение своего долга является основой для исполнения ими других обязанностей.

Но как неодинаково они это понимают!

Катулл живет неприхотливо: несколько опрятных комнат с самой необходимой мебелью и книгами, простая еда, скромная одежда, удовольствия от жизни он получает в кругу своей семьи и друзей – большего ему и не надо. Для этого ему вполне хватает жалованья, получаемого в академии. У него даже еще остается немного денег, которые он втайне от других время от времени отдает нуждающимся, дабы помочь им в их беде. Свою работу Катулл выполняет очень добросовестно. Каждый день он проводит только по три занятия, поскольку считает, что если станет проводить больше, то он перенапряжется и повредит своему здоровью или не сможет исполнять свои профессиональные обязанности на должном уровне. В его понимании самый верный путь увеличить число слушателей – честно трудиться на своем месте. Исполнив к концу дня положенное, он проводит оставшееся время в кругу семьи и друзей.

Иное дело Тибулл. Ему хочется всего. У него множество роскошно обставленных комнат, обширная библиотека, он сам, его жена и дети хорошо одеты, его стол ломится от яств, он непрерывный участник всех увеселительных мероприятий, и поездки за границу, как в его понимании требует зажиточная жизнь, которую он ведет, для человека его сословия суцная необходимость. Правда, все это требует расходов, которые три часа ежедневных занятий со студентами покрыть не могут. А посему он занимается с ними по шесть часов в день. Учитывая, что к занятиям нужно еще и готовиться, ему приходится недосыпать и посвящать этому часы, которые Катулл обычно проводит в кругу семьи. И все же его лекции не столь основательны, как лекции Катулла. Он всеми силами старается увеличить число своих слушателей, но вот так, как он этого добивается, порядочный человек делать не станет. Помимо прочего, в начале каждого полугодия первые часы своих лекций Тибулл посвящает тому, что с гордостью перечисляет свои заслуги, пытаясь преуменьшить заслуги своих коллег и даже их высмеять. И все же ежегодно его доходы отстают от расходов на приличную сумму, отчего он все больше погрязает в долгах и скоро окажется неспособным платить своим кредиторам.

Сравни жизнь этих двух людей и сделай соответствующие выводы! Катулл верен своему долгу – обеспечивает себя и свою семью, исправно выполняет свои обязанности перед слушателями академии, не забывая при этом и о других обязанностях: заботиться о здоровье, давать образование детям, поддерживать нуждающихся. Он также исправно выполняет свои обязанности перед коллегами, ремесленниками, выполняющими для него ту или иную работу, и купцами, поставляющими ему товары. Жизнь этого человека целиком посвящена служению своему долгу.

Если Тибулл полагает, что делает то же самое, то он заблуждается. Он печется не столько о благополучии своей семьи, сколько об удовлетворении собственного тщеславия. Это и есть его главная цель, долг же для него нечто второстепенное, и он исполняет его постольку,

поскольку таким образом достигает своей цели. Поэтому свою ежедневную работу он выполняет не на должном уровне. Не так уж хорошо он служит и семье. Тратя значительную часть своего дохода на удовлетворение собственного тщеславия, он обрекает ее на нищету, ибо неизбежно настанет время, когда господа кредиторы очнутся и потребуют возвращения долгов. Пренебрегает он и прочими обязанностями: не заботится ни о своем здоровье, ни об образовании детей, ни о качестве своего преподавания в академии. Он пренебрежительно относится и к своим коллегам, и к людям, работающим для него и снабжающим его дом всем необходимым.

Перед нами два человека, придерживающихся мнения, что они честно исполняют свой долг – содержат себя и свою семью.

Теперь представьте себе, что происходит в их душе, когда они, оставшись наедине с собой, размышляют о своей жизни. Может быть, Катулл уже ощущает себя на Небесах? А Тибулл? Кому захочется оказаться на его месте? Сознание пренебрежительного отношения к своим обязанностям превращает его жизнь в сущий ад, не так ли? А ведь оба живут в *одном* мире, работают в *одном* университете, оба занимают профессорские должности и оба люди ученые.

Выходит, исполнение своего долга равносильно тому, что мы надеемся обрести по ту сторону гроба. Наша душа жаждет *блаженства*. А что такое блаженство? Это состояние удовлетворения собой и всем, что нас окружает. А разве, исполняя долг, мы не испытываем то же самое?

Прежде мы говорили преимущественно о том, к чему ведет неверность своему долгу, о трудностях, связанных с его исполнением. Отвлечемся на время от этого и попытаемся себе представить, сколь велик человек, для которого превыше всего долг. Получается, что у такого человека есть почти все, что в нашем понимании равносильно Небесному блаженству.

Раньше оно казалось нам недостижимым, потому что мы находились в постоянном смятении. У нас были свои суждения, свои взгляды на жизнь, позволяющие нам принимать определенные решения, желания, требующие от нас противоположного, друзья, советовавшие нам совсем другое. Мы жили среди людей, думающих иначе, но чье мнение казалось нам важнее, и среди обстоятельств, склоняющих нас совсем на другое. Наша жизнь была соткана из противоречий. Чтобы действовать по своим убеждениям, требовались определенные усилия и борьба, а пренебрежение ими заставляло нас сожалеть о содеянном и раскаиваться в своих поступках. Мы руководствовались то одним, то другим, то нашими воззрениями, то своими желаниями, то различными обстоятельствами.

Так мы жили прежде – в постоянной борьбе и раскаянии. Воспоминания о прожитых годах не приносили нам удовлетворения и не умиротворяли нашу душу.

Всего этого не будет, как только самым важным для нас в жизни станет исполнение своего долга. Он – наша главная цель, ради которой мы будем жить, действовать и мыслить. Тогда у нас останется всего одно желание, *одна* страсть, которой неизбежно подчинятся все прочие страсти, *один* жизненный принцип, который и станет определять наши мысли и поступки – долг прежде всего. В нашей душе воцарится удивительнейшая гармония, нарушить которую будет тем труднее, чем сильнее возобладает над нами этот принцип.

Софрон поступил в университет, будучи недурно воспитанным своим отцом и учителями. Но он был немало удивлен, оказавшись впервые в обществе своих земляков, которые потешались над его жизненными принципами и вели себя совершенно по-другому. Будучи по натуре юношей робким и не осмеливаясь им противоречить, он стал подстраиваться под них и неоднократно охотно посещал в их компании известные заведения, буквально созданные для того, чтобы человек нарушал свой долг. Со временем его чувственность превзошла все разумные пределы и охотно потакала любым капризам, от кого бы они ни исходили. Исполнение долга требовало теперь от него огромных усилий, и всякий раз, нарушая его, он мучился угрызениями совести. Как часто он всю ночь не мог сомкнуть глаз, изводя себя упреками за то, что

не сохранил верность своим жизненным принципам. Да и следующие за кошмарными ночами дни были для него не менее печальными. Он покидал свою постель с твердым намерением вновь жить по своим прежним принципам. Но тут же начиналась упорная борьба, навязываемая ему его собственными желаниями, не привыкшими, чтобы их подавляли, и теми приглашениями, насмешками и подтруниваниями, на которые не скупилась его дружба. Он редко выходил победителем из той борьбы, обычно совлекаясь на путь, ведущий его, как он осознавал, к гибели. Софрона влекло из аудиторий, где приобретаются знания, соответствующие предназначению, туда, где удовлетворяется чувственность. Так он прожил несколько злосчастных месяцев, после чего один знакомый потребовал удовлетворения за нанесенное ему оскорбление, вызвав его на дуэль. Проведя ужасную бессонную ночь, в течение которой Софрон острее, чем когда-либо, ощутил всю омерзительность дуэли и всю неправильность своей жизни, идущую вразрез с его прежними правилами поведения и мышления, он приходит к твердому убеждению, что случившиеся с ним беды – последствия пренебрежительного отношения к своему долгу и что для достижения душевного покоя у него решительно нет иного пути, как только свято исполнять этот долг.

Укрепившись этим убеждением, он на рассвете делает шаг, стоивший ему немалых усилий. Он исполняет долг перед тем, кого, как считает тот, он оскорбил, совершенно не думая о том, что скажет на этот счет мир, в котором он живет. И вот, безоружный, он навещает своего противника и, войдя к нему в комнату, по-мужски обращается к нему: «Друг! Ты считаешь, что я нанес тебе оскорбление и требуешь удовлетворения. Я пришел с намерением дать его тебе. Ну какое удовлетворение от дуэли? Если я соглашусь на нее, то рискую сделать бесполезным для мира человека, который мог бы принести ему много добра. И ты в отношении меня подвергаешься той же опасности, поскольку я тоже намереваюсь совершить еще немало хорошего. Я собираюсь дать тебе истинное удовлетворение – попросить у тебя прощения. Вот моя рука! Или тебе доставит большее удовольствие ее искалечить?»

Противник выслушивает неожиданное предложение, пребывая в нерешительности. Но Софрон продолжает так убедительно говорить, что он в итоге меняет свои убеждения и, вместо того чтобы ждать извинений, бросается ему на шею и благодарит за сделанный навстречу ему шаг.

Отныне все помыслы Софрона устремлены на беспрестанное исполнение того, что велит ему его долг, какие бы внешние и внутренние препятствия ни пытались помешать ему в этом. И у него возникает чувство, что он наконец обрел те самые Небеса. Правда, он еще не может похвастаться, что проживает каждый день, выполняя все свои обязанности. Однако то пренебрежение долгом, в котором он прежде упрекал себя, случается с ним нечасто, что, конечно, не дает ему в полную меру насладиться своим блаженством, но в то же время укрепляет его в мысли, что только исполнение долга способно привести нас к Небесам, что на Земле.

По большей части наше беспокойство или омраченное настроение порождается нашими желаниями, которым нет конца. Путник, не успев выйти из дома, мечтает оказаться там, где его следующий ночлег, а добравшись до этого места, уже думает о следующем. И так до тех пор, пока он не вернется домой. Каждый, присмотревшись к себе, увидит, как он похож на этого путника. Его то и дело одолевают желания, и за каждым из них стоит чувство неудовлетворенности чем-либо, которое всегда огорчительно. Чем разнообразнее наши желания, тем сильнее это неприятное чувство. А чем больше их, то, как известно, больше остается неисполненных, отчего неудовлетворенность возрастает.

Друзья мои! Закаляйте свой дух! Пусть каждый стремится прежде всего исполнять свой долг, и тогда у него будет всего одно желание, а удовлетворит ли он его или нет, зависит прежде всего от него. Нужно только *серьезно* захотеть, и все получится. Ощувив хотя бы раз, какое это удовольствие – исполнять свое самое жгучее желание, представьте себе то блаженство, которое ожидает вас, когда вы будете это делать непрерывно.

Ты задумался? У тебя есть возражения? Что ж, попытаюсь их упредить. «Как это возможно, – скажешь ты, – чтобы у меня не было никаких желаний, кроме как исполнять свой долг? Если я беден, разве мне не захочется улучшить свои доходы? Разве я, решив обзавестись семьей, не захочу исполнить это намерение?» Конечно, совсем отказаться от подобных желаний не получится. Но чем искреннее желание исполнять свой долг, тем умереннее становятся все прочие желания, тем меньше они нас волнуют, тем спокойнее мы относимся к тому, что некоторые из них остаются неудовлетворенными.

Но на это ты можешь мне сказать: «Это неверно, будто исполнение мною долга целиком и полностью зависит от серьезности моих намерений. Мне могут помешать тысячи обстоятельств. Например, я должен вернуть деньги кредитору или заплатить за выполненную работу. И как мне быть, если мои доходы, на которые я рассчитывал, внезапно прекратятся? Я всей душой хочу исполнять свои обязанности перед детьми. Но как, скажите пожалуйста, мне реализовать это на практике, если по долгу службы я постоянно отсутствую и мало общаюсь с семьей. Или: я серьезно отношусь к своей работе, но как мне быть, если я заболею?»

Все это так, обстоятельства действительно иногда могут оказаться сильнее нас. Главное – по-настоящему захотеть, и у нас все получится. Побольше старания, рассудительности и умеренности в расходах, и мы вернем долги, даже когда лишимся известных доходов, на которые так рассчитывали. Рассудительность и наведение порядка в делах позволят нам исполнять свои обязанности перед семьей, даже когда служба отнимает у нас непомерно много времени. Нужно немного напрячься – и даже болезненный человек окажется в состоянии исправно исполнять свою службу, а во многих случаях это его даже укрепит. Как быть, если нам действительно не удастся выполнить *то или иное обязательство*? Тогда лучше на время о нем забыть и переключиться на другие. Тревожиться сильно не нужно, поскольку мы делаем это не по собственной воле, и наша верность своему долгу от этого ничуть не пострадает, поскольку у нас возникли новые обязанности, которые нам в данный момент под силу.

Представим себе ужасную ситуацию: некий деспот отрывает добропорядочного человека от семьи и бросает его в тюрьму. Тогда он освобождается от многих обязанностей, но вместо них у него появляются новые, такие как, например, необходимость проявлять терпение, пробуждать в тюремщике гуманные чувства или даже потребность изобрести для человечества нечто важное, что возможно только в условиях длительного и полного одиночества.

Видите, даже и тогда у нас остается возможность удовлетворять самое сильное желание – исполнять свой долг.

Наш жизненный опыт учит, что нередко страдания порождаются тем, что мы уж слишком ярко начинаем представлять себе свое будущее. Правда, радостные перспективы, которые оно иногда сулит, позволяют нам легче переносить нынешние горести и печали. Но здесь есть опасность, что мы перестанем делать что-либо для настоящего и, уповая на лучшее будущее, позволим сегодняшней беде взять верх над нами.

Например, Куртиус ожидает назначения на некую доходную должность. Он настолько живо представляет себе выгоду, которую она ему сулит, что совершенно упускает из виду необходимость быть умеренным в своих расходах. Из-за своей беспечности он влезает в такие долги, которые еще в течение многих лет после вступления им в желанную должность будут омрачать его радость.

Радужные перспективы в будущем могут помешать нам наслаждаться тем хорошим, что у нас есть сегодня, и мы в погоне за тенью упустим реальное.

Если же виды на будущее безотрадны или вообще ужасны, то где уж тут наслаждаться настоящим, и все то, что омрачает сейчас нашу жизнь, вырастает до невероятных размеров. Иногда привычка вглядываться в будущее делает жизнь человека безотрадной и печальной, хуже жизни животного. Барану, на глазах которого отправили на смерть уже полсотни его товарищей, и невдомек, что его ожидает подобная участь. Даже в день своей смерти он будет столь

же безмятежно и с неменьшим удовольствием поедать свой корм. Но человека одно представление о страданиях, возможно, ожидающих его в будущем, способно подкосить настолько, что он станет безучастным и к настоящему.

Всадник падает и ломает ногу. Ломает ногу и его лошадь. Оба страдают, но всадник явно сильнее, нежели лошадь. Она страдает только от боли, его же помимо боли мучает представление о всех тех неприятностях, которые повлечет за собой это происшествие.

Нужно быть *цельным* человеком, всем существом оставаясь верным своему долгу, и тогда подобные страдания не будут долго терзать вас. Посвящая каждый день своей жизни служению долгу, мы не станем рисовать себе живые картины будущего – на это у нас просто не останется времени.

Почему Кристиан всегда весел и радостен? Он ведь отлично понимает, что его ждет, когда он в скором времени отправится служить в полк, участвующий в настоящее время в кровопролитных сражениях. Он живет исключительно во имя долга. Все его мысли обращены на родителей, воспитавших его как помощника в своих делах, обязанного каждодневно выказывать им свою благодарность. Оставаясь преданным им, он не располагает в достаточной мере свободным временем, чтобы размышлять о своем будущем и живо представлять себе тот ужас, который его ждет.

А может быть, его будущее окажется не таким мрачным и перед ним откроются радужные перспективы, о которых он и не мечтал. К чему сегодняшние тревоги? Возможно, печальное будущее действительно наступит. Что ж, тогда у него возникнут другие обязанности, и он примется их исполнять, отчего по-прежнему будет таким же бодрым, как сейчас.

На основании сказанного приходим к следующему выводу: делая своей главной целью нечто иное, а не исполнение долга, мы рискуем поставить успех наших стараний в зависимость от обстоятельств, управлять которыми не в нашей власти. И такой нежелательной зависимости нам не избежать. Выбирая иные цели и целиком посвящая себя их достижению, следует прежде задуматься о правильности своего шага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.